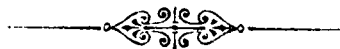

К. Жаковъ.

ЗЫРЯНСКІЯ СКАЗКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

1908.

ЗЫРЯНСКІЯ СКАЗКИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сказки записаны мною въ 1900 году въ селахъ: Небдинѣ, Шойнаты и на Вишерѣ. Небдинъ находится отъ Усть-Сысольска въ 90 верстахъ вверхъ по Вычегдѣ, а Шойнаты въ 100 верстахъ.

Суевѣрные рассказы изъ охотничьяго быта записаны въ селѣ Вишерѣ, (находящемся на рѣчкѣ того же имени) ихъ рассказалъ крестьянинъ Тарасъ Ивановъ Игушевъ. Эти рассказы оригинальны, они рисуютъ бытъ охотниковъ въ дремучихъ лѣсахъ сѣвера, изображаютъ ихъ вѣру въ „лѣснаго хозяина“, который нѣкогда былъ большимъ богомъ Войпелемъ, являющимся олицетвореніемъ сѣверныхъ вѣтровъ, крутящихся въ лѣсахъ лѣтомъ и зимою. Этотъ Войпель („Ночное Ухо“) извѣстенъ теперь на Печорѣ подъ именемъ „Шуа“, бога, который живетъ въ „каменномъ гнѣздѣ вѣтровъ“ Толь-поз-изъ. Если онъ услышитъ человѣческій голосъ, поднимаетъ вѣтеръ и шлетъ свѣгъ на путниковъ. „Многіе уже погибли въ Уральскихъ горахъ“.

„Кокля-макля“, о которомъ рассказываетъ Игушевъ, вѣроятно, одинъ изъ членовъ великой семьи мѣстныхъ боговъ—вѣрсале,—главой которой былъ Войпель.

Въ рассказѣ о „мельникѣ“ передъ нами выступаетъ образъ водяного бога—„васа“. Онъ до сегодняшняго дня нугаетъ зырянъ и проситъ „калыма“ отъ мельниковъ. Душа человѣка, умершаго безъ причастія, можетъ попасть въ его владѣнія. Этотъ богъ тоже не одинокъ, а имѣетъ много подчиненныхъ божковъ и свою семью „сюраясь“ (сюраясь—рогатые боги). Рассказъ „Тювѣ“ есть повѣствованіе о жизни дѣйствительной личности.

Григорій Тювѣ жилъ на рѣчкѣ Пукдымъ, впадающей въ Вишеру выше села того же названія.

Въ моей книгѣ „Въ поискахъ за Намомъ Бур-мортомъ“ приводится характеристика Григорія Тювѣ.

Сказку „Доренька“ рассказалъ крестьянинъ села Небдина Алексѣй Андреевъ Латкинъ. Эта сказка—заимствована, она напоминаетъ русскую сказку о ворѣ. Чрезвычайное „пристрастіе къ алкоголю“ и мѣткое, грубоватое остроуміе—являются оригинальными особенностями „Дореньки“. Въ этомъ выражается своеобразная передача общезвѣстнаго сюжета.

Сказку „Ракъ молодецъ“ сообщилъ мнѣ церковный сторожъ въ селѣ Шойнаты Александръ Алексѣевъ Савельевъ. Сказка заимствована.

Всѣ эти сказки записаны были мною по-зырянски и затѣмъ дословно переведены на русскій языкъ. Этотъ дословный переводъ, необходимый для науки, нанесъ большой ущербъ литературной сторонѣ дѣла.

Красота языка, мѣткость и картинность рѣчи исчезли.

К. Жаковъ.

Вишера.

Разказы охотника.

Въ старину одинъ мужикъ разъ занялся сдираніемъ шкуръ бѣлокъ. Онъ снялъ сто штукъ и говорить—сегодня бы я могъ пятьсотъ снять. Другой братъ говорить—замолчи, перестань говорить.— „Перестану говорить, хотъ сейчасъ груду бы принесли“.

Тогда въ волоковое окно стали бросать бѣлками (въ то окно, гдѣ идетъ дымъ изъ курной избы). Онъ сталъ погибать отъ бѣлокъ, все бросають, и бросають (въ избу). Братъ научилъ осѣнять крестомъ лапы, (уже не стали снимать шкуръ). Тотъ такъ и сталъ дѣлать. Тогда крикнули съ улицы—„ладно, что съумѣлъ жить, нашимъ былъ бы человѣкомъ“.

Я никакъ не могъ застрѣлить бѣлку. Цѣлый день ходилъ. На одну бѣлку залаяла собака. Я сильно стрѣлялъ ее. Не упала она отъ меня. Я закричалъ—иди, говорю, лѣсной и выстрѣли для меня. Пришелъ человѣкъ, лица своего не показалъ мнѣ, лица его и не видѣлъ. Большой, весьма высокій человѣкъ въ черномъ сукопномъ кафтанѣ, онъ пришелъ съ пицалемъ, онъ, выставивъ его, хлопъ—выстрѣлилъ и бѣлка упала. „Бери“, говорить, „дядя, бѣлку то“. Человѣкъ ушелъ. Я взялъ бѣлку и въ охотничью сумку (лоз) положилъ. А человѣкъ сказалъ издалека—„ты“, говорить, „скажи Кокля-Мокля, что на войнѣ убили его сына“. Я иду и думаю, кто такой это Кокля-Мокля. А пришелъ въ избушку, сварилъ пищу, сталъ ѣсть и затѣмъ я сѣлъ снять шкуру бѣлки и сказалъ своему брату: „я вѣдь не самъ застрѣлилъ“. Братъ лежитъ на нарѣ. „Уйди вонъ, самъ не застрѣлилъ—лѣшій застрѣлилъ“. Братъ не вѣритъ. „Еще онъ сказалъ, ты, говорить, расскажи Кокля-Мокля, что на войнѣ его сына убили. А кто для меня Кокля-Мокля“.—„Иди, говорить братъ, тебѣ все кто-нибудь что-нибудь рассказываетъ“. Такъ онъ сказалъ, вдругъ полъ поднялся весь до потолка и двери унесло—пыръ-пыръ! Какъ на улицу вышелъ, все такъ и несся.

Не нужно ругаться въ лѣсу. Изба была не весела, стала свѣтлая послѣ этого. Кокля-Мокля и жилъ подъ поломъ, а тутъ убѣжалъ.

Жиль-быль мельникъ. Онъ жилъ на мельницѣ. Была ночь. Туда прибыль на большой лошади человекъ, одѣтый въ парку и просить его въ гости къ хозяину. Мельникъ говоритъ „я не пойду“. „Если не пойдешь, мельница будетъ нашей“. Мельникъ думаетъ: „я не пойду, будетъ зло, если же пойду, можетъ быть и добро будетъ“. Вышелъ на улицу. Сани у того синимъ войлокомъ покрыты. „Давай, садись“, говоритъ, и открыль синій войлокъ. Сѣли и, покрывъ его, онъ повезъ. Вдругъ лошадь остановилась и говоритъ тотъ: „вставай“. Мельникъ открыль глаза, смотритъ—большой домъ, во всякомъ окнѣ огонь, весьма свѣтло. „Я“, говоритъ, „всталъ и вышелъ“. „Иди, иди отдохни“. Тамъ народъ работаетъ, кто дѣлаетъ шестерню, кто гвозди, всякую всячину, что водится на мельницѣ. Хозяинъ, сѣдой старикъ, мнѣ говоритъ: „войди во внутрь“. Тамъ бабы, дѣвушки, какъ кралечки, стряпаютъ, готовятъ. Я тамъ что дѣлать, дѣлалъ, потомъ, кто меня привезъ, тотъ и увезъ.

Человекъ въ паркѣ говоритъ мельнику, „ты знаешь—нѣтъ, что сдѣлала твоя жена?“— „Нѣтъ, не знаю“. „Она вымолотила цѣлый оwinъ, и столько конопли льна высѣяла“.— „Ты знаешь или нѣтъ Макара на бору?“ „Знаю“, говоритъ, „онъ мнѣ другъ“. Человекъ въ паркѣ говоритъ: „онъ тоже мой другъ, ты спроси его куда дѣвался твой другъ?“— я человекъ сгорѣвшій отъ вина“.

Мельникъ пришелъ домой, у бабы спрашиваетъ: „что ты дѣлала вчера?“— „Молотила одинъ оwinъ, коноплю мала“. Потомъ онъ пошелъ въ боръ и Макара сталъ спрашивать: „ты съ кѣмъ служилъ на службѣ?“— „Ярославскій былъ со мною, да отъ вина сгорѣлъ“.

Бдутъ въ Печеру извозчики зыряне. У одного на волоку сани сломались. Товарищи ѣхали дальше. Оставшійся кое-какъ починилъ сани и до зимовки добрался. Онъ тамъ сварилъ себѣ мясо и сталъ жинать. Вдругъ между досками пола въ отверстіе рука показалась и сжимаетъ пальцы и разжимаетъ. Ямщикъ смотритъ, отрѣзываетъ кусокъ мяса и въ руку влагаетъ. Рука исчезла, но спустя опять показалась, сжимаетъ и разжимаетъ пальцы. Онъ такимъ образомъ все мясо отдалъ, что было сварено, а самъ кое-что ноѣлъ и легъ на наръ. Вдругъ вошли человекъ два съ улицы и сказали— „вотъ сюда для насъ опять пришелъ кусокъ мяса“. Но изъ-подъ пола отвѣтилъ голосъ: „вы этого человекъ не троньте, мнѣ онъ большое добро сдѣлалъ; я была тяжело беременна сыномъ, меня накормилъ онъ мясомъ. У этого, у бѣднаго, сани поломались, а намъ въ Екатеринбургъ дали новыя сани, идите, принесите и у этого грузъ, товаръ перегрузите какъ слѣдуетъ“. Ямщикъ на другой день проснулся, на улицу вышелъ, сани хорошія, товаръ уложенъ аккуратно, онъ запрягъ лошадь и отправился далѣе.

Около берега люди гребли. Вдругъ изъ воды показалось и говоритъ „еще не пришелъ?“— Разъ и другой разъ такъ говоритъ. Мы думаемъ—кого это ждетъ? Вдругъ туда молодецъ пришелъ красивый молодецъ. Онъ говоритъ:— „мнѣ нужно будетъ здѣсь выку-

паться“. А мы говоримъ „нѣтъ, здѣсь не купайся“.—„Нѣтъ, я выкупаюсь“. Тѣ увѣщываютъ и онъ не сталъ купаться. „Но“, говорить, „хоть я“, говорятъ, „водой окачусь“. И онъ облилъ себя водой и тутъ же и умеръ. Рокъ догналъ его тутъ, счастья не стало, молитвы не достало.

Сказка Йоремъ.

Жили были старикъ со старухой. У нихъ была одна дочь, Марфа по имени. Отецъ собрался въ лѣсъ на сутки. Онъ сказалъ хозяйкѣ:— „ты дочь не отпускай на бесѣдку“. Какъ только вечеръ насталъ, дѣвушка сильно стала проситься на бесѣдку и мать разсердилась и говорить: „пусть тебя унесутъ на то, чтобы никогда больше не видѣть“. Дѣвушка ушла и не возвратилась, и не знаетъ никто, куда она исчезла. Вернулся отецъ и спрашиваетъ: „гдѣ наша Марфа?“—Хозяйка говорить: „я не знаю, ушла на бесѣдку и не вернулась“. Однажды отецъ Марфы собрался на базаръ. Шель, шель, и видитъ ручей течеть, па берегу, ручья домъ большой. Сталь смотрѣть—его дѣвушка выходитъ изъ амбара и съ блюдомъ въ рукахъ идетъ въ домъ. А отцу стало пріятно.

— „На-те-ко, мы думали—исчезла, а къ какому хорошему купцу попала“. Вдругъ дѣвушка закричала: „Отецъ, иди отдохнуть“. Отецъ зашелъ въ домъ. Три молодца тамъ живутъ и приняли они его очень любезно. Онъ тамъ отдыхалъ, гостилъ. Стали ему говорить, наказывать: „ты завтра въ городъ придешь, насъ не ищи до конца обѣдни“.—Старикъ пришелъ въ городъ и постоялъ у заутрени и думаетъ затѣмъ найти своихъ молодцовъ, и ходилъ, гулялъ, тѣхъ не нашелъ. Онъ постоялъ у обѣдни и сталъ итти возлѣ лавокъ, на глаза ему попалась его дочь—она торгуетъ въ лавкѣ, и онъ туда пошелъ, его пустили за стойку. Молодецъ сталъ его спрашивать: „тебѣ, старикъ, дѣвушка или товаръ пужень?“ Старикъ думаетъ: что я на свое бѣдное житье возьму ее отъ такого богатства. „А ежели что дадите мнѣ изъ товара, мнѣ будетъ хорошо“. Тутъ дѣвушка вдругъ громко сказала: „Ахъ, батюшка, если бы ты меня попросилъ, меня бы еще отпустили, а теперь меня не отпустятъ“.

Товару наложили старику въ сани и говорятъ: „иди домой и торгуй“. Старикъ прибылъ домой и хвастаетъ предъ старухой: „вате-ка вотъ, мы думали наша Марфа потерялась, а она у очень богатаго купца живетъ, и вотъ намъ они очень много товару дали и велѣли торговать“. Старикъ со старухой построили лавку и стали торговать, и у нихъ товару не уменьшалось никогда и не исчезало.

Разъ старикъ со старухой собрались идти въ гости къ дочери. Шли, шли и пришли на то мѣсто, гдѣ стоилъ домъ. Но его не увидѣли. Обратнo вернулись домой. Такъ они жили, были дома.

Разъ старикъ опять захотѣлъ идти. И отправился одинъ. Онъ увидалъ домъ на прежнемъ мѣстѣ. Онъ тамъ пилъ, ѣлъ, гостилъ. Опять захотѣлъ домой вернуться, а дочь ему и говорить: „ты, батюшка, меня больше никогда не увидишь“. Такъ старикъ вернулся домой, рассказалъ хозяйкѣ, какъ онъ ходилъ, гостилъ. И до смерти они вѣкъ свой торговали.

„ТювѠ“ (лѣсной колдунъ).

Изосимъ и Савватій не приняли его въ Соловецкій монастырь. Въ другой разъ онъ былъ въ Ношудѣ и тамъ умеръ. Онъ жилъ въ лѣсу у верховьевъ Вишеры—двадцать верстъ отсюда. У него былъ домъ, который сгорѣлъ. Дѣтей не было. Деньги хранилъ въ скамейкѣ, въ ящичкѣ. Сынъ приемышъ говоритъ: „обновить нужна скамейку и пристунокъ также. ТювѠ деньги перенесъ въ лѣсъ. „Мы ищемъ деньги“.—„Въ Пукдымъ—бору черника крупная, а въ кересь мелкая“ (слово тювѠ) „Мы идемъ въ кересь“ (значить деньги тамъ)—„А вы оказывается изъ кереса брали?“—Собрали по лѣсной дорогѣ полную корзину. ТювѠ деньги въ другое мѣсто перенесъ. А тамъ пустой ящикъ оставилъ. Потомъ деньги съ собою взялъ въ дорогу, послѣ смерти товарищъ деньгами воспользовался.— У ТювѠ былъ быкъ. Отъ быка и обогатѣлъ онъ, овцы не жили.

Шесть верстъ поднялись. Одинъ пробовалъ (оскопить) быка, другой пробовалъ. ТювѠ вышелъ, положилъ рукавицы на быка и безъ завыванія оскопилъ.

У него была лошадь Чибунъ семи лѣтъ. Разъ пришли коновалы и зашли къ нему. Онъ отвѣтъ далъ: „зачѣмъ сюда вы пришли?— Васъ кто-нибудь сюда послалъ изъ Вишеры? Вы согрѣйтесь и спуститесь обратно, я самъ оскоплю. Я самъ всѣмъ коноваламъ—коноваль“.

У насъ погода стала плохая. Мы жнемъ, дождить, а жнемъ; меня онъ очень любилъ. Мнѣ онъ велитъ учиться заговорамъ.—„У тебя, можетъ быть, злыя слова“.—Что я скажу—ты и повторяй.—Я нѣтъ, у отца спрошу.—Твой отецъ немного знаетъ, моя собака сказываетъ, когда Емель идетъ, собака лаетъ. Отецъ мнѣ сказалъ—не учись, я самъ научу.

Доренька.

Жилъ былъ Иванъ—купецъ. У него было двѣнадцать слугъ. Одинъ изъ нихъ Доренька. Ему работать было весьма лѣнь. Рассказали хозяину—онъ де очень лѣнивъ, ничего онъ не работаетъ.—„Утромъ рано, когда мы встаемъ на работу и отправляемся—онъ обуваетъ одну ногу, а когда мы идемъ на паужинъ—другую“. Хозяинъ пришелъ и говоритъ: „ты“, говоритъ, „Доренька иди теперь искать ремесло, вотъ тебѣ 300 рублей“. Онъ взялъ триста рублей и отправился искать ремесло. День идетъ и другой идетъ, да и недѣлю; приходитъ въ городъ, заходитъ въ кабакъ. Въ кабакѣ сидитъ человекъ, спрашиваетъ у цѣловальника: „что же здѣсь дѣлаетъ этотъ человекъ?“—„Съ похмѣлья онъ, онъ большой мастеръ шить сапоги, всю одежду онъ здѣсь пропилъ“. Доренька говоритъ: „научи меня, я выкуплю вещи“.—Научу.—„За сколько же заложилъ ихъ?—за сто руб.“—Доренька далъ сто руб. Отправились они шить. Стали шить.

Доренька не умѣеть, его бьютъ. Полгода били человѣка. Въ другіе полгода онъ опередилъ самого мастера.

Онъ опять собрался: „мнѣ необходимо найти второе ремесло,— три найти мнѣ велѣлъ хозяинъ“. Идетъ день, да и другой. Опять въ городъ приходитъ. Онъ опять въ кабакъ заходитъ. Человѣкъ въ кабацѣ сидитъ. У цѣловальника спрашиваетъ: „что онъ здѣсь дѣлаетъ?“— „Съ похмѣлья голова у него болитъ, все имущество онъ пропилъ. Онъ былъ портной“.— Доренька спрашиваетъ. „За сколько онъ пропилъ?“— „За сто рублей“.— „Если меня научить—я выкуплю вещи“.— „Научу“, говоритъ. Сто рублей Доренька далъ. Пошли они заниматься шитьемъ. Стали шить только матерію портятъ, ничего не выходитъ. Первые полгода опять его бьютъ, уча. Другіе полгода онъ и научился, и опередилъ мастера. „Дай-же я пойду—ремесло опять далось. Нужно третье“. Опять онъ собрался въ дорогу Шель онъ день и другой. Потомъ и въ городъ прибылъ. Въ городѣ просился на ночлегъ во многихъ мѣстахъ, никто его не пустилъ. Онъ тогда пошелъ къ овинамъ, да и легъ тамъ у хлѣбнаго скирда. Темно стало уже, онъ слышитъ—какіе-то идутъ. Доренька думаетъ: кликнуть или нѣтъ. Доренька сказался: кого тамъ слышно? Тѣ сказали: „мы-де ходимъ, вороемъ ночью“.— „Меня—не научите?“— „Научимъ“, говорятъ, „завтра утромъ приходи къ хозяину“. Онъ всталъ утромъ и явился къ хозяину.— „Что же ты скажешь, Доренька?“— „А вотъ что“, говоритъ, „я пришелъ къ тебѣ учиться воровать“.— „Сто рублей дашь,—научу“, тотъ отвѣчаетъ. Доренька сто рублей далъ. На другой день онъ и вышелъ воровать. Онъ вышелъ воровать—ничего ему не попадается, а двѣнадцать другихъ выходили—принесли много одежды и всякаго добра. Дореньку стали бить—отчего ты не вороешь, тебѣ лѣнь, видно. Такъ полгода трудились, уча его, и все били такъ его. Другіе полгода онъ научился и воровать: что украдутъ двѣнадцать товарищей, столько онъ одинъ приноситъ. „Потомъ“, говоритъ, „я и домой пойду, у человѣка деньги взялъ, нужно и ремесло показать“. Онъ вернулся домой. Сталъ спрашивать Иванъ-купецъ: „что уже за ремесло далось тебѣ?—Сапоги шить умѣю.—Ну, такъ шей мнѣ сапоги.“. Кожу онъ далъ ему. Доренька началъ шить. А Иванъ-купецъ и говоритъ: „гдѣ отъ такого шитье, даже онъ погу то не смѣрялъ“. Доренька отправился и скроилъ сапогъ и сшилъ его. На другое утро принесъ его кунцу. Иванъ-купецъ надѣлъ ихъ. „Вотъ такъ диво! Ты не мѣрялъ, а какъ въ точку. Какое же второе ремесло знаешь?“— „А вотъ что: шить умѣю одежду“. Купецъ опять далъ товару Доренькѣ. „Ну-ка, вотъ на завтрашній день сдѣлай мнѣ шаровары, пиджакъ, жилетъ и все что бы было“. Ушелъ Доренька, взявши товаръ; пришелъ домой, сталъ кроить онъ для купца. Къ утру рано онъ приготовилъ. Пиджакъ, шаровары принесъ. „Вставай, Иванъ-купецъ, надѣвай все“. Надѣлъ тотъ, какъ будто съ него и было, какъ будто съ него и кроено. „Эко диво! Какой ты мастеръ шить! Какое же твое третье ремесло?“—А я умѣю воровать.— „Если умѣешь воровать—до завтра лошадь укради, а я поставлю двѣнадцать человѣкъ караульщиковъ“. Доренька ушелъ. Онъ ушелъ въ кабакъ. Купилъ онъ четверть спирту и къ вечеру возвратился къ Ивану-купцу подъ окно. Какъ-то онъ въ домъ проникъ. Какъ-то въ курят-

никъ заирятался. Иванъ-купецъ вернулся, раздѣлся, легъ и уснулъ. Доренька въ его платьѣ одѣлся и вышелъ къ караульщикамъ. „Смотрите, караульщики, сегодня не спите, Доренька придетъ, лошадь украдетъ. Не выпить ли вамъ винца? Не желаете ли“, говорить, „винца выпить?“ — „Выпьемъ“, говорятъ, „зѣбнемъ, потому что ночь вѣдь тяжело“. По чашкѣ онъ далъ имъ спирту. „Пожалуйста не теряйте ключа, а то онъ придетъ и ключъ украдетъ“. Одинъ и отвѣчаетъ: „у меня не возьмешь, у меня на груди припрятанъ ключъ“. — „А не хотите ли по другой чашкѣ, вина то еще осталось тамъ“. И по другой угостилъ онъ ихъ. Потомъ онъ обратно вошелъ въ домъ. Одежду купца спялъ съ себя и вышелъ опять на улицу; караульщики всѣ свалились съ ногъ. Онъ взялъ ключъ у того, кто говорилъ, что у него на груди онъ, и лошадь взялъ и увелъ, а ключъ положилъ обратно въ пазуху тому. Проснулись караульщики. „Но ключъ то еще у меня“. Иванъ-купецъ пришелъ къ нимъ. — „Что былъ Доренька?—Нѣтъ, у насъ онъ не былъ.—Но гдѣ же вы вина папились?—Самъ ты былъ у насъ. Тамъ посмотрѣли, а лошади нѣтъ. „О, видно это Доренька укралъ“. Дореньку пригласили, опять пришелъ къ Ивану-купцу. „Что, лошадь ты укралъ?—Ты велѣлъ, такъ съ большою радостью заказанное то.—Куда же ты дѣвалъ лошадь?—У вора есть мѣсто, безъ мѣста онъ воровать не станетъ.—А вотъ еще: сможешь ли ты деньги украсть? Я на окно положу и тутъ лѣстницу поставлю съ улицы. Мы сами караулить будемъ съ топоромъ въ рукахъ, чтобъ ты не смогъ украсть“. Доренька ушелъ и ходилъ по дорогѣ. Онъ увидалъ церковнаго сторожа. „Пантелеймонъ“, онъ кричитъ его: „не хочешь ли вина выпить?—А на что я буду пить, денегъ то вѣдь нѣтъ“. Доренька ушелъ съ нимъ и напилъ его виномъ. „Смотри же“, говоритъ онъ, „ты не теряй ключа отъ церкви, ты вѣдь навеселѣ.—Не потеряется, у меня онъ на груди“. Потомъ онъ напился и уснулъ. Доренька ключъ взялъ, отправился въ церковь, тамъ былъ покойникъ, умершій человѣкъ. Онъ взялъ того человѣка изъ гроба и пошелъ съ такой ношей къ Ивану-купцу. Купецъ смотритъ въ окно: Доренька ужъ идетъ. Онъ поднялся по лѣстницѣ и сталъ деньги доставать, а онъ досталъ то покойникомъ. Умершаго человѣка онъ голову просунулъ въ окно, тому голову и перерубили. Она упала на полъ. „А, вотъ отъ меня не убѣжалъ, попался“. И тутъ вышелъ купецъ съ женою на улицу. Доренька межъ тѣмъ—хватъ деньги, да мертвое тѣло, и убѣжалъ. Вернулся онъ въ церковь и какъ было—на прежнее мѣсто все положилъ. Иванъ-купецъ бы и вышелъ на улицу, да никого нѣтъ. „Это видно опять Доренька то всѣ деньги укралъ“. Вернулась въ комнаты обратно чета. Денегъ нигдѣ нѣтъ. Дореньку опять пригласили. Что, укралъ? — Заказанное какъ не украсть, когда мы и безъ приказа воруемъ.—„Если ты сегодня ночью постель изъ подъ меня украдешь—вотъ ты человѣкъ“. Доренька отправился на базаръ. Взялъ онъ буракъ и гущу влилъ въ него, и двѣ свистульки купилъ, и вернулся къ Ивану-купцу. Какъ заснулъ купецъ съ женою, онъ между ними и влилъ этой гущи, а слугамъ волосы перевязалъ, а въ ротъ имъ свистульки вложилъ. Купецъ проснулся. „Что такое между нами?“ А жена говорить: „не кричи, иди разбуди слугъ, убе-

рутъ“. Стали будить прислугу, тѣ вступили въ драку между собою: „ты меня тащишь за волосы, а ты меня“. Доренька говоритъ: „тише, подождите, я вынесу“ (постель). Доренька взялъ постель и былъ таковъ. Ждутъ супруги, слуга не приноситъ постели. „Это видно Доренька укралъ“. Встали, вызвали Дореньку: „ты укралъ постель?— Какъ ужъ не украсть, коль велѣно, когда мы безъ приказанія во- руемъ.—Если ты въ эту ночь мою жену украдешь—вотъ ужъ ты человѣкъ“.

Доренька отправился на базаръ. Купилъ тамъ поросенка и вер- нулся къ купцу Ивану. Прокрался въ домъ и спрятался въ курят- никѣ. Какъ только мужъ съ женою уснули, Доренька поросенка по- ложилъ между ними. Мужъ проснулся и испугался, что сдѣлалось съ женою? „не шуми, сейчасъ и уберемъ все“. Потомъ стали будить слугъ, а тѣ вступили въ драку, потому что у нихъ волосы были перевязаны. Доренька пошелъ къ нимъ: „что съ вами, что вы кри- чите?—Вотъ что то съ купчихой случилось, тутъ нужно кое-что убрать“. Доренька взялъ жену купца и вывелъ на улицу, затѣмъ— взялъ ее въ охапку и убѣжалъ. Купецъ ждетъ-пождетъ жену, а баба такъ-таки и не вернулась. „Это видно опять дѣло рукъ Дореньки. Ну, что, Доренька, ты укралъ мою жену?—Укралъ.—А обратно не возвратишь мнѣ?—А почто же дамъ краденое, пикто никогда не возвращаетъ.—Ну, такъ дай же, сними свою одежду, я надѣну ее, а ты мою. Доренька сталъ купцомъ и съ женою его сталъ жить, а купецъ пошелъ по міру просить милостыню.

Жиль-былъ купецъ и другой купецъ такой же богатый; у нихъ были у одного сынъ, а у другого—дочь. Они вмѣстѣ росли, и одинъ говорилъ—я возьму тебя замужъ, другая говорила—я выйду за тебя. Купецъ, отецъ дѣвушки, обѣднѣлъ, а сына другого купца отецъ и мать стали женить, а сынъ никуда не идетъ свататься, какъ только къ той дѣвушкѣ, а отецъ говоритъ: „кого хочешь бери, только ее не падо“. Ни отецъ, ни мать не даютъ ту взять замужъ. Тогда ку- печескій сынъ рѣшился ночью убѣжать на кораблѣ въ чужую землю вмѣстѣ съ дѣвушкой. Такъ и вышло. Они въ чужой землѣ обвѣнча- лись. Они (послѣ этого) обратно собрались на родину. У нихъ раз- бился корабль, поэтому они стали починять его на берегу морского острова. Молодые вышли гулять на морской островъ и бродили по нему; потомъ мужъ молодой уснулъ на лугу, а жена дальше пошла и потерялась въ высокой травѣ. Купеческій сынъ проснулся, и обратно побѣжалъ къ кораблю, а жены тамъ не было. Горько за- плакалъ онъ тутъ на берегу. Плачетъ и смотреть—ждутъ на двухъ лодкахъ, и всѣ длинноволосые, и (послѣдніе) остановились противъ него. Его—купеческаго сына Ивана—схватили, руки, ноги связали, и въ лодкѣ уже было связанныхъ два-три человѣка. Длинноволо- сые развели огонь на лугу; затѣмъ взяли одного изъ связанныхъ, изжарили и съѣли. Потомъ они стали играть, расположившись кру- гомъ; покружившись, они всѣ уснули. Одинъ былъ въ лодкѣ чело- вѣкъ, котораго развязалъ Иванъ-купеческій сынъ, а тотъ, въ свою очередь, Ивана развязалъ. Они вдвоемъ пустились бѣжать, а длинно-

волосые, проснувшись, пустились въ погоню за ними. На дорогѣ встрѣтилась вода—аршинъ глубины. Иванъ-купеческій сыпъ перешелъ въ бродъ, а тотъ не осмѣлился, и тутъ его схватили. Иванъ-купеческій сынъ на берегу моря спрятался подъ корнемъ дерева. Тѣ сюда прибѣжали, да и искали трое сутокъ и все шумѣли, а затѣмъ голоса ихъ умолкли. И вышелъ Иванъ на волю, на островъ. Тамъ онъ жилъ около полугода. Разъ онъ спустился къ морю и сѣлъ около обрыва. Сидитъ и смотритъ—показались опять двѣ лодки и на нихъ какіе-то длинноволосые люди. Тамъ какой-то звѣрь жилъ въ пещерѣ, онъ въ пей и спрятался. Какъ разъ противъ него и остановились двѣ лодки, и пришельцы всѣ поднялись на берегъ, а лодку оставили тамъ у рѣки. Иванъ спустился, сѣлъ въ лодку и сталъ переѣзжать, но вспомнилъ, „эхъ-ма, надо было взять другую то лодку“. Онъ поѣхалъ къ другому острову. Въ лодкѣ сталъ ребенокъ плакать. Иванъ пріѣхалъ на другой островъ, устроилъ себѣ избушечку, а для ребенка нашель въ лодкѣ немного молока въ буракѣ. Въ лодкѣ же нашель нищаль, пули, порохъ. Это все отъ длинноволосыхъ. На островѣ было много дичи. Черезъ пятнадцать лѣтъ приемышъ сынъ сталъ говорить Ивану: „птицъ осталось здѣсь мало, поѣдемъ на другой островъ“. Они отправились. Лодка хотя у нихъ и была, но была разбита. Все-таки они въ нее сѣли. Ёдутъ—вода въ лодку идетъ. „Охъ, батюшка, вода, утонемъ. Ты сильнѣе греби“. Кое-какъ добрались они до берега. На этомъ островѣ построили опять избушечку и зажили. Иванъ говоритъ: „если ты увидишь длинноволосаго, то сейчасъ же стрѣлай“. Сыпъ одинъ день ходитъ по острову, другой день, разъ и видитъ—идетъ длинноволосый. Онъ думаетъ: „отецъ велѣлъ тотчасъ же стрѣлять, а къ чему, этотъ не сможетъ же меня и не посмѣетъ“. Оказывается длинноволосый—дѣвушка была. И стала она разговаривать. Сыпъ Ивана и спрашиваетъ: „ты откуда?“ А дѣвушка стала рассказывать: „моя мать вышла было замужъ за кунца Ивана, они на чужой сторонѣ обвѣнчались, на обратномъ пути Иванъ кунецъ оставилъ мою мать на островѣ“. Такъ сынъ Ивана сталъ часто и подолгу пропадать, онъ день и другой разговариваетъ и встрѣчается съ дѣвушкой. А отецъ сталъ думать: „что это мой сынъ каждый день такъ долго ходитъ?“. Разъ утромъ сынъ ушелъ на охоту, а отецъ Иванъ сталъ за нимъ подсматривать; смотритъ—сынъ встрѣтился съ дѣвушкой. Отецъ крикнулъ—и тѣ оба стали бѣжать. Отецъ говоритъ: „ты не бѣги“. Сыпъ вернулся. Отецъ сталъ спрашивать: „это кто такая длинноволосая дѣвушка?“ Сыпъ все и рассказалъ и прибавилъ: „здѣсь и мать живетъ. Около ручья въ избушечкѣ онѣ живутъ“. Отецъ и догадался: „это непременно моя жена. Но такъ давай же мы сходимъ къ ней, сыночекъ мой“. Они отправились и пришли къ нимъ. У нихъ одежды нѣтъ, изъ листьевъ было шито. Встрѣтились—такъ и есть его жена. Они рѣшили тутъ, что можно сына и дочь повѣнчать. И обвѣнчали ихъ. Такъ двѣ пары тутъ и зажили и домъ построили. Тамъ иногда они видывали корабли. Тѣ стали приставать къ берегу и все приносить съ собою и скотъ дали имъ. Такъ они зажили хорошо и теперь живутъ.

Настасья Адовна.

Въ старину жилъ крестьянинъ; онъ плотничать научился и около своихъ мѣстъ сталъ плотничать; сталъ брать подряды, на годъ ихъ брать, по все ему недоставало (средствъ), все было нужно свое прибавлять (и думаетъ крестьянинъ) „дай-ка я въ далекихъ земляхъ побываю, здѣсь все какъ-то въ недостаткѣ живу“. И отправился онъ въ далекую страну, и тамъ на годъ взялъ подрядъ, за 300 рублей онъ взялся. У него осталось прибыли сто рублей цѣликомъ. Кончился этотъ подрядъ, на семь лѣтъ онъ взялъ другой. Семьсотъ рублей осталось прибыли отъ второго подряда. Такъ нажилъ онъ восемьсотъ рублей. Мужикъ сталъ думать: „теперь пора домой идти, деньги есть“. Онъ шелъ, шелъ, да и усталъ человекъ—ѣсть, и пить захотѣлось ему. По дорогѣ была плохонькая мельница. Онъ сталъ искать что-нибудь попить изъ рѣки. Кто-то и схватилъ его за бороду. Онъ сталъ ждать—не отзывается, кто держитъ. Изъ воды ствѣтило: „что дома есть, про что ты не знаешь, то обѣщай“. Мужикъ подумалъ: „что я за восемь лѣтъ не знаю, что-нибудь мелкое“. и сказалъ: „обѣщаю“. Тогда вышелъ старикъ весьма сѣдой: „такъ дашь?—Дамъ“, говоритъ. Потомъ старикъ подписаться велѣлъ. „Но гдѣ же бумага?“. Длинный старикъ принесъ лопухъ (широколиственную траву), между руками потеръ—кровь потекла, появились бумага и перо. Крестьянинъ подписался. Длинный старикъ обратно вошелъ въ воду. Крестьянинъ направился къ дому и очень печалится: не знаетъ, что онъ обѣщаль. Пришелъ на свои поля. На вотчину свою—озимъ зеленая растетъ, а день веселый, свѣтлый, онъ склонился къ вечеру. „Не смѣю“, говоритъ, „идти“, и легъ на межѣ между полями. Онъ тамъ спалъ до утра. Проснулся, всталъ идетъ къ дому, еще не дошелъ до него, какъ жена его и увидала съ крыльца и крикнула „Ваня, Ваня, отецъ то идетъ“. Въ сердце ударило мужика. Пришелъ—женѣ и мальчику большая радость, а отецъ печалится. Жили день и другой день, разъ ночью и стали разговаривать мужъ съ женою: „отчего ты печалишься, когда намъ такая радость“. Мужикъ сталъ рассказывать: „Вотъ я ходилъ въ другую землю, денегъ нажилъ и денегъ много несу, возвращаясь домой и вотъ что встрѣтилъ“ (онъ тутъ рассказалъ все). Когда они уснули—длинный старикъ пришелъ—„сыночекъ, давай, пойдемъ“. Мальчикъ закричалъ. Отецъ и мать вскочили. Цѣлую ночь съ огнемъ сидѣли, но старика болѣе не было. Тоже самое было и на вторую ночь и на третью. Тогда мужъ съ женою стали спрашивать своихъ сосѣдей своей деревни: „что дѣлать, послать мальчика или нѣтъ“. Сосѣди сказали—если обѣщано—необходимо послать. Тогда отецъ сапоги сшилъ для сына, коты, котомочку приготовилъ и далъ сто рублей. „Ты иди къ мельницѣ, три часа просиди тамъ и потомъ куда глаза глядятъ, туда и иди, если ничего не представится“.

Мальчикъ ушелъ. Просидѣлъ около мельницы три часа, ничего ему не представляется. Сердится—сидитъ. Потомъ куда глаза глядятъ, туда и направился. Цѣлый день онъ шелъ, и темнѣтъ ужъ стало; онъ сталъ искать себѣ почлега—тамъ лѣсочекъ плохонькій

растегъ. Онъ въ одномъ мѣстѣ посмотреть, въ другомъ—нигдѣ не годится спать. Далѣе и лѣсу не стало, лугъ тянется. Одинъ день идетъ, не находитъ себѣ мальчикъ почлега. Полоса лѣса опять виднѣется. Идетъ къ синему лѣсу—можжевельникъ все, и спать негдѣ, посмотреть подальше—дубъ стоитъ. „Дай-ка, я подъ дубъ пойду, тамъ есть отверстіе“. Вошелъ—тамъ ничего нѣтъ, палкой сталь пробовать—что-то стучитъ, какъ бревно; но палкѣ онъ тогда спустился. Тамъ совсѣмъ темно, онъ на ощупь идетъ, что-то вродѣ избушки, а вотъ и дверь, отворилъ ее—очень свѣтлая комната передъ нимъ, а около стола сѣдой мужчина дремлетъ; дѣтина стоитъ, ничего не говоря, думаетъ, думаетъ,—дай-ка я скажуся. потому что не скажусь—съѣсть и скажусь -- съѣсть; „Здорово, дѣдушка!“ — „Иди, милый сыночекъ! Куда собрался?“ Дѣтина разсказалъ дѣло своего отца. Старикъ сказалъ: „это мой братъ будетъ, онъ сатанѣ отдался, въ помощь тому, добрымъ людямъ надоѣдаетъ, а я къ святости иду“. Крестыанскій сынъ тамъ ночевалъ. „Завтра“, говоритъ старикъ, „ты иди, куда обѣщался“, и онъ научилъ его: „триста верстъ по лугу пойдешь, другіе триста верстъ по зеленому лугу и еще триста верстъ темнымъ лѣсомъ, потомъ увидишь ивовой кустъ на берегу рѣки. Туда прилетаютъ девять лебедей купаться. Восемь лебедей, оборотившись въ дѣвушекъ, купаются, а девятая, летаетъ надъ ихъ головою, потомъ восемь одѣваются и улетаютъ, а девятая, оставшись одна, кунается. Теперь иди“. Молодой чело-вѣкъ послѣ большихъ трудовъ прибылъ въ ивовой кустъ. Какъ говорилъ старикъ, такъ и случилось: восемь лебедей, оборотившись въ дѣвушекъ, стали купаться, а девятая летала надъ ними. Восемь одѣлись и улетѣли, а девятая, оборотившись, раздѣлась. Крестыанскій сынъ у нея платье взялъ съ берега и спряталъ. Она вышла—платья пѣтъ. „Кто спряталъ мое платье?“ Онъ сейчасъ и сказался: „я“, говоритъ, „спряталъ“, и разсказалъ ей дѣло отца. „О, далеко еще до старика, онъ мой отецъ, ты долго не приходилъ!“ Сказала дѣвушка Ивану крестыанскому сыну. „Я тебѣ разскажу дорогу, ты со мною пойдешь. Ты какъ будешь со мною входить въ мой домъ, а я живу отдѣльно отъ старика, ты увидишь мои сѣни длинныя—32 окна; на каждомъ окнѣ по чело-вѣку. Ты когда пойдешь за мною, тебя кто будетъ хватать, кто клюкою задѣвать, каждый по своему. Ты только не посмѣйся, а иди все за мною“. Послѣ разговору они отправились. Какъ она говорила, такъ все и случилось. Когда по сѣнямъ они шли—кто его топоромъ, кто клюкою задѣваетъ, каждый, кто какъ умѣетъ. Иванъ сталъ смотрѣть внизъ и ни на кого не глядѣлъ, такъ шелъ за Настасьей. „Завтра утромъ“, Настасья говоритъ, „иди, сходи къ батюшкѣ“. Тотъ вышелъ, затѣмъ къ батюшкѣ. Онъ немножко сталъ посмѣлѣе и сказалъ: „здорово, дѣдушка!— Иди, иди, давно ужъ жду тебя“. Старикъ далъ ему домикъ, „Если усталъ, отдохни“. Онъ выпался. Ълъ, отдохнулъ. Утромъ на другой день пригласилъ его на завтракъ и говоритъ:— „иди, посмотри на мое житье-бытье“. Иванъ вышелъ смотрѣть, разузнать житье-бытье, посмотреть вездѣ одежда, вездѣ богатство, а напоследокъ увидалъ столбъ стоитъ со многими гвоздями, на каждомъ гвоздѣ чело-вѣческая голова, два гвоздя еще свободны, „это видно для меня и для Настасьи“, и сталъ онъ печалиться.

Ракъ-Молодецъ.

Въ старыя времена жилъ былъ крестьянинъ съ женою. У нихъ не было ни сына, ни дочери. И постарѣли они, ни сѣна, ни дровъ ужъ возить не могутъ. Старуха стала говорить: „ты старикъ иди, найди кормильца, сына ли дочь“. Старикъ думаетъ: „куда идти, кого стану искать“. Старуха сильно посылаетъ. Старикъ сталъ собираться; одѣлся, взялъ палку въ руки и спустился къ рѣкѣ, по берегу зашагалъ онъ. Тутъ ракъ къ нему оборотился: „ты куда старикъ идешь?— Я иду кормильца искать, быть можетъ гдѣ-нибудь найду, сына или дочь“. А ракъ говоритъ: „меня бери за сына“. А старикъ промолвилъ: „гдѣ ты и кто?—“ „Я здѣсь, между камнями—ракъ“. Старикъ пошелъ къ нему: „изъ тебя какой ужъ кормилецъ изъ рака?“ Ракъ говоритъ: „бери меня, до самой смерти буду кормить, поить и въ могилу отправлю въ гробъ“. Старикъ взялъ его въ руки и спешъ домой къ старухѣ. „Вотъ принесъ кормильца“—сталъ рассказывать и положилъ рака на приступокъ. Старуха пришла (взглянула) и плюнула на полъ—„тѣфу, ты! Принесъ кормильца!“ Ракъ говоритъ: „не бойся, старуха, я тебя до старости прокормлю (буду кормить, поить)“. Наступилъ вечеръ. Старикъ со старухою поужинали, кое-что еще было. Ракъ сказалъ: „теперь ложитесь, спите“. Старикъ со старухой уснули. Ракъ всталъ, упалъ на полъ—вышелъ прекрасный молодецъ. Вышелъ на улицу на крыльцо и закричалъ: „Тетки, мамки, мои крестьяне, служите мнѣ службой“. Пришелъ къ нему народъ: „что тебѣ хозяинъ нужно?—Старику со старухой полный сарай сѣна навозить, подъ окно—дрова, ушатъ наполните водой“. Старикъ со старухою проснулись, старуха говоритъ: „печку надо топить, пооди сходи за дровами“. А ракъ говоритъ: „только принеси, дровъ довольно подъ окномъ“. Старикъ—вышелъ на улицу—испугался, такъ много дровъ, и въ сараѣ—половъ сарай сѣна, посмотрѣлъ въ ушатъ—онъ полонъ воды. И всякую всячину, и муки онъ нашель. Ракъ говоритъ: „меня не бойтесь, ты стряпай старуха“. Потомъ побѣдали они и раку положили кашицы, и онъ съѣлъ немного. „Теперь иди, старикъ, къ царю свататься“. Старикъ боится идти. „Иди—и только“. Старикъ взялъ палку и отправился къ царю: пришелъ, вошелъ во внутрь и съѣлъ у порога дверей, и тамъ цѣлый день сидѣлъ. Сказать то ничего не смѣетъ. Царь увидаль и спросилъ: „ты что тутъ сидишь, старикъ?“ Старикъ говоритъ: „у менѣ есть сынъ, я пришелъ сватать за него твою дочь“. Царь отвѣчаетъ: „если службу сослужишь мнѣ, дѣвушку выдамъ, а если службу не исполнишь, голову отрублю“. Старикъ испугался и спросилъ какая же служба?

„Я вотъ какую службу дамъ: пусть отъ твоего дома до моего желѣзныи мостъ въ одну ночь сдѣлаютъ съ мѣдными перилами. Если твой сынъ сдѣлаетъ, я дѣвушку выдамъ за него, не исполнить—голову отрублю.“ Старикъ взялъ палку и домой отправился; печальный все время онъ домой вернулся и сталъ говорить: „сынъ мой, ракушка, твоя и моя голова пропали“. Задачу онъ далъ исполнить: въ одну ночь съ мѣдными перилами отъ его дома велѣлъ желѣзныи

мость построить“. Ракъ отвѣтилъ: „этой службы не бойся, что будетъ впереди. Ложитесь и спите“. Старикъ со старухой легли спать. Ракъ опять упалъ на полъ и оборотился въ красиваго молодца. Опять вышелъ на крыльцо. „Тетки, матки, мои крестьяне! служите службу!“ Пришло къ нему тѣмъ народу „Что тебѣ пужно, хозяинъ?—Постройте мнѣ желѣзный мостъ съ мѣдными перилами“. Сдѣлали живо въ одну ночь хорошій мостъ. Ракъ вошелъ въ избу, ударился о полъ, легъ въ блюдо. „Старуха, вставай, стряпай, дѣлай“. Старуха встала Варила, пекла. Отобѣдали. Старикъ опять пошелъ свататься. „По мосту и иди.“ Старикъ не посмѣлъ по мосту идти, онъ шелъ возлѣ, на палку упираясь. Пришелъ къ царю. Вошелъ и царь, опять спрашиваетъ: „что старикъ?—Сынъ послалъ меня сватать твою дочь. Служба мной исполнена.“ Царь вышелъ, осмотрѣлъ мостъ и ему очень красивымъ показался онъ. Вошелъ обратно къ себѣ: „если сослужишь службу—я выдамъ дочь мою.“ Старикъ спрашиваетъ: „какая служба?—Возлѣ моего дому безъ фундамента, безъ опоръ на воздухъ церковь была бы, чтобы звонъ звонилъ, попъ и дьяконъ пѣли. Если не сдѣлаешь—голову отрублю“. Старикъ опять стало весьма печально; взялъ онъ палку и собрался идти. „Охъ, ракушка, ты мой, головы у обоихъ спадутъ, приказалъ на воздухъ церковь построить, чтобы звонъ звонилъ, попъ и дьякъ пѣли.—Ложитесь, спите, исполнимъ“. Старики и легли и уснули. Ракъ бросился на полъ, молодецъ сталъ прекраснымъ, на крыльцо вышелъ. „Тетки, матки“, крикнулъ онъ, „службу служите: въ одну ночь постройте храмъ безъ опоръ, на воздухъ, безъ веревки съ неба, чтобы звонъ звонилъ, попъ и дьякъ пѣли“. Они все исполнили. „Старуха, вставай, вари, пеки, корми старика“. Отобѣдали. „Иди сватать царевну. По мосту иди“. Старикъ идетъ по мосту, голову опустивши. Пришелъ къ царю, сталъ смѣлѣе. „Я службу сослужилъ“. Царь думаетъ, что это за человекъ? Онъ сказалъ: „дѣвицу я выдамъ, но третью службу исполни: пусть на лугу пророетъ озеро, въ озерѣ рыбы, на берегу рыболовы чтобы были и удочкою удять, и сѣтями ловять, и ветелемъ имають рака. И кормятъ рыбою царство и денегъ не берутъ. Кругомъ озера садъ, въ саду птицы поютъ. Если все это сдѣлаетъ—выдамъ дѣвицу.“ Старикъ поклонился и отправился къ дому. Пришелъ, рассказываетъ раку: „Вотъ какую службу велѣлъ исполнить“ (и старикъ рассказалъ). Ракъ промолвилъ. „не печалься, ложись да спи“. Молодцемъ онъ вышелъ на улицу. „Тетки, матки“—кликнулъ. Тѣ пришли и, все, что было сказано, исполнили. На другой день старика ракушка опять посылаетъ свататься. „Иди по мосту“.—„Я опять пришелъ сватать твою дочь-царевну. Служба кончена“. Царь вышелъ, рассмотрѣлъ и весьма удивился. Звалъ на свадьбу: „пусть пріѣдетъ въ телѣгѣ безъ лошади, по дорогѣ, что бы свадьба состояла изъ разнаго люда“. —Ушелъ, рассказалъ. „Ложись, спи“, говоритъ ракъ, „завтра пойдемъ на свадьбу“. Ночью приготовлена была свадьба. Старуха пекла. Какъ царь сказалъ, такъ и сдѣлали, красиво и приятно. Сѣли на телѣги и отправились по собственной дорогѣ. Пріѣхала свадьба, царь вышелъ и встрѣчаетъ. Женихъ-ракъ на блюдечкѣ, крестная несетъ его. Свадьба сѣла за столъ. Невѣста спрашиваетъ, гдѣ же нашъ женихъ? Крестная показываетъ—вотъ нашъ женихъ. Невѣста не хочетъ выйти.

Царь сказалъ: „я далъ царскій обѣтъ, хотѣлъ выдать, отказаться не можно. Невѣсту посадили. Женихъ тутъ же сѣлъ на блюдечкѣ, хвостомъ лап-лап- дѣлаеть невѣстѣ. Вышли и обвѣчались. Крестная на блюдечкѣ кругомъ водила жениха. Потомъ вошли въ царскій домъ пировать. Ракъ ни вина, ничего не проситъ; кое-что положили ему на блюдечко—изъ блюдечка онъ ѣсть. Но наконецъ уложили ихъ послѣ пира. И стала жена спрашивать: „ты какою силою можешь дѣйствовать, ты вѣдь не все же ракъ?—Да, нѣтъ“. И онъ очень красивымъ молодцемъ сталъ, ей показался, и ей такъ любо, такъ радостно. На другой день утромъ встали, ракъ опять свое платье надѣлъ. Наступилъ день, дочь стала рассказывать матери, восхищаться, „очень“, говорить, „красивъ, такого молодца въ нашемъ царствѣ нѣтъ“. Мать совѣтуетъ: „ты ночью платье то рака въ печку брось“—такъ учить свою дочь. Легли вторую ночь спать, ракъ свое платье не снимаетъ, а баба велитъ „ты не спи въ этой одеждѣ;“ онъ говоритъ: „если я сниму, ты въ печку бросишь мое платье“. Она говоритъ „я не брошу“. Но онъ и снялъ платье и уснулъ. Молодая взяла, да въ печку и бросила. Когда онъ проснулся сталъ искать платье свое. „И“, говоритъ жена, „въ печку бросила его.— Ты мое платье бросила, сколько я трудился, стремясь къ тебѣ, столько же ты потрудишься, когда меня будешь искать“. Онъ вынулъ клубокъ шелку и далъ своей женѣ. „И, говоритъ, теперь и пойду отъ тебя ночью; этотъ клубокъ брось, куда онъ будетъ катиться, туда и иди за мною“.

Тогда онъ вышелъ и исчезъ.

Стало свѣтло у Бога и дочь стала рассказывать матери со слезами на глазахъ: „онъ убѣждалъ отъ меня, ты велѣла бросить въ печку его платье. Давай мнѣ теперь котомку, я побѣгу за нимъ“. Надѣла котомку и вышла изъ дому, выбросила клубокъ, онъ сталъ катиться впереди ея; она пошла за нимъ вослѣдъ. Клубокъ укатился къ морю и въ него вошелъ. Она тамъ сидѣла и плакала, и пустилась въ море вбродъ. Какъ только вода стала выше головы—тогда улица открылась. Клубокъ виднѣется въ водѣ. Она и идетъ въ водѣ за клубкомъ, и цѣлый день шла до вечера; къ вечеру одинъ домъ показался, клубокъ вкатился въ этотъ домъ и она за нимъ вошла. Тамъ внутри одинъ старикъ сидитъ. „Куда собралась Марфида-царевна?—И вотъ иду мужа своего искать, и съ нимъ обвѣччалась, но онъ убѣждалъ.—Ахъ, зачѣмъ же ты платье его бросила въ печку, если бы еще одну ночь потерпѣла, онъ не сталъ бы болѣе носить платье рака, онъ отправился въ другое царство, на другой невѣстѣ жениться“. Старикъ далъ Марфидѣ гребень; „ты когда придешь къ невѣстѣ, гдѣ пируютъ, войди туда, садись на порогъ, да и чеши свои волосы, тогда твои волосы будутъ золотые, невѣста тогда захочетъ купить твой гребень, а ты на деньги не продавай, а проси жениха на одну ночь“. Она вышла оттуда и пошла дальше.

Второй вечеръ одинокій домъ опять показался, туда вкатился клубокъ. Въ домѣ опять живетъ одинъ старикъ. Спрашиваетъ онъ: „куда путь держишь царевна? Она рассказала—за мужемъ она идетъ,

который убѣжалъ. Старикъ сталъ браниться—зачѣмъ платье мужа въ печку бросила? Ужиномъ накормилъ, а утромъ завтракомъ и на дорогу далъ полотенце. „Они другой день будутъ пировать, ты туда и приходи, полотенцемъ завяжи глаза, ты какъ только имъ завяжешь глаза, всѣ чудеса земли открыты станутъ и видны тебѣ сквозь полотенце. Невѣста будетъ говорить—глаза болятъ у красивой дѣвушки,—ты ей дай полотенце, на посмотри, скажи. Она возьметъ на руки и завяжетъ глаза и всѣ чудеса земли увидитъ сквозь него. Купить захочетъ—продай это полотенце—денегъ мнѣ не нужно, ты скажи, дай жениха на вторую ночь, и она дастъ“. Марфида опять ушла отъ этого старика. Шла, шла, въ третій день увидела опять одинокой домъ. Она вошла туда. Тамъ женщина сидитъ, крестная мужа. Она стала бранить царевну—зачѣмъ платье мужа бросила въ печку? Она накормила ея ужиномъ, утромъ завтракомъ. На дорогу даетъ царевнѣ скатерть. „Ты приди въ третій разъ подъ окно, настели эту скатерть, у тебя будетъ много яствъ и напитковъ. Она увидитъ изъ окна, выйдетъ къ тебѣ и захочетъ купить, ты на деньги опять не продавай, проси жениха на третью ночь, если согласишься—дамъ это“. Послѣ этого царевна ушла отсюда. Крестная сперва дала ей мѣдные сапоги, мѣдную шляпу, желѣзную клюку. „Не подойдешь ты пяти верстъ до царства, увидишь на дорогѣ горящiе угли ты клюкой очищай себѣ дорогу. Шляпу на голову надѣнь, сапоги на ноги“. Она ушла. Пяти верстъ не дошла—частые огненные угли стали попадаться на дорогѣ, она съ трудомъ прошла это мѣсто. Вотъ въ царствѣ у вдовы она остановилась, стала спрашивать когда свадьба. „Завтра будетъ, завтра ниръ“. Утромъ на другой день царевна пошла къ царю, возлѣ дверей у порога сѣла, сидѣла, взяла изъ кармана гребень и стала волосы свои чесать. Волосы стали золотыми. Невѣста увидела, попросила посмотреть гребень. „Что же это, твои волосы стали золотыми, дай я почешусь“. И у пей стали волосы золотые. Пожелала она купить гребень: „продай мнѣ, три горшни золота дамъ,—мнѣ золота не нужно, мнѣ дай жениха на одну ночь“. Она согласилась уступить жениха и уступила его. Легли спать. Мужъ царевны не сказалъ ни одного слова. Она встала и съ рыданiемъ ушла къ себѣ домой. Поскорѣе полотенце захватила, да опять пошла къ царю. Глаза повязала и невѣста опять говорить: „какая красивая дѣвушка, а глаза болятъ“. Она дала невѣстѣ полотенце—на, посмотри. Та взяла, завязала себѣ глаза и увидела вдругъ всякаго звѣря, всякую птицу, все, что на землѣ все было видно черезъ него. Она пожелала купить это полотенце: „продай мнѣ, сколько хочешь, столько и бери золота“. Марфида не соглашается; „жениха дай на одну ночь“. И дала ей полотенце за жениха. Вечеромъ опять легли спать, она опять стала умолять, но мужъ не сказалъ ни слова. Эта вещь опять потеряна. Рано утромъ она ушла къ себѣ на квартиру, взяла скатерть, опять ушла къ царскому дому, подъ окномъ разостлала скатерть и стало тутъ у пей всякія яства и напитки. Невѣста, царская дочь, это опять увидела изъ окна, и вышла къ Марфидѣ на улицу. „Что у тебя это такое?“ Та скатерть сложила и ничего не стало, раскрыла—все опять появилось. Царская дочь—невѣста пожелала купить: „сколько угодно

золота бери“. Та не соглашается: „жениха опять уступи на одну ночь“. Невѣста согласилась. Вечеромъ уложили. Третью ночь стали спать. Она опять стала звать мужа, наконецъ онъ откликнулся. „Ты завтра встань и пойди, а я попирую, да за тобой приду“. Спали и и проснулись. Мужъ остался пировать, а она къ себѣ домой пошла, взяла котомку и отправилась путемъ-дорогой, и въ одинъ день пришла къ своему царю. Черезъ часъ и мужъ явился, онъ убѣждалъ оттуда. Царю съ царицей стало очень любо. Только теперь онъ сталъ настоящимъ мужемъ царевны. И пошли они къ старику со старухой. Призвалъ своихъ работниковъ и велѣлъ построить домъ похожий на царскій, а старика со старухой взялъ къ себѣ. Царь съ царицей пришли пировать. Пировали, миловали, и понинѣ живутъ.

Простакъ.

Жили были старикъ со старухой и имъ принесли тайно быка. Купить имъ было не на что. Старики держатъ быка на травѣ, которую руками рвали. Такъ растили его до пяти лѣтъ. Старикъ со старухою стали разговаривать:—дай, продадимъ быка и купимъ крестьянское обзаведеніе.—На базаръ пошелъ старикъ и продалъ быка за 50 руб. У него не было мѣста для денегъ, такъ онъ былъ бѣденъ, и деньги несъ въ рукѣ. На встрѣчу попался ему мужикъ.

— Куда ходилъ?

— Быка продалъ. Вотъ взялъ 50 руб., да некуда положить.

— У меня есть кошелекъ, можно въ него положить.

— Ты много вѣдь, поди, просишь за него?

— Я прошу 10 руб., кошельки дорогіе.

Старикъ купилъ и на шею повѣсилъ. Къ дому онъ идетъ. Ёдетъ мужикъ на встрѣчу въ телѣгѣ и спрашиваетъ:—куда ходилъ?

— Я на базарѣ быка продалъ, получилъ 50 руб., купилъ кошелекъ за 10 руб. Думаю купить крестьянское обзаведеніе. Одну штуку ужъ купилъ.

— Не купишь моей телѣги?

— Ты, поди, вѣдь много запросишь?

— А рублей десять-то попрошу. Это вѣдь хорошая штука, на ней что угодно можно везти, хоть лошадку повезешь на себѣ.—Человѣкъ купилъ телѣгу. Онъ сталъ тащить телѣгу. Быть можетъ, версты двѣ или три тащилъ. Мужикъ на встрѣчу барана тащить, обуздавши.

— Не обмѣняемся ли телѣгой и бараномъ,—говоритъ мужикъ.

— Ты, поди, много добавки просишь?

А баранъ былъ хорошій. Старикъ прибавилъ пять рублей.

У него осталось двадцать пять руб. Завязалъ барана къ поясу и отправился далѣе онъ. Баранъ не идетъ, его мучить. Версты двѣ прошелъ онъ. Мужикъ пѣтуха несетъ, взявши въ охапку.

— Не станемъ ли обмѣниваться бараномъ и пѣтухомъ?

— Ты захочешь, поди, много прибавки.

— Пять рублей прошу.

Они обмѣнялись. Пѣтуха старикъ несетъ на рукахъ. А мужикъ на встрѣчу съ серпомъ:

— Это хорошая вещь, все рѣжетъ, траву хорошо снимаетъ.— И тутъ старикъ прибавилъ пять руб. Серпъ колется.—Это еще голову сниметъ,—думаетъ старикъ. А на встрѣчу мужикъ брусъ несетъ.—Не обмѣняемъ ли серпъ на брусъ? обмѣняемъ, прибавь всѣ деньги, я тебѣ сдачи дамъ три монеты по двѣ коп.—Идетъ старикъ, брусъ въ рукахъ несетъ. Брусъ тяжелый. Передъ нимъ озеро, на озерѣ утки.—Дай-ко, брусомъ брошу въ утку, да женѣ гостинецъ принесу изъ базара.—Прицѣлился онъ и бросилъ. Не попалъ, а брусъ въ озеро пошелъ. Старикъ бросилъ портки и пошелъ въ озеро вбродъ, но мокнетъ рубашка, онъ вернулся на берегъ и снялъ рубашку. И опять бросился въ озеро. Ноги не достаютъ, тамъ глубоко. И сталъ онъ тонуть, и поскорѣе выпрыгнулъ на берегъ.—Я, говорить, отъ смерти убѣжалъ. И сталъ тутъ удивляться. Ёдутъ на тройкѣ.

— Ты что тутъ удивляешься?—спрашиваютъ купцы.

— Ты куда ходилъ?

— Я былъ на базарѣ, быка продалъ, денегъ выручилъ 50 руб.— и дальше все рассказалъ.—Если ты такъ торговалъ, жена плюнетъ на тебя.—Старикъ говорить:—три раза поцѣлуешь.—Старикъ у купцовъ купилъ калачъ и держалъ закладъ съ купцами: Если на меня плюнетъ, мы со старухой будемъ служить вамъ всю жизнь, если поцѣлуешь, вы дайте весь товаръ.—На этомъ били закладъ. Пошли домой, къ старику зашли всѣ. Баба удивляется, что мужикъ товаръ везетъ. Тѣ рассказали. Баба поцѣловала три раза старика. Купцы товаръ оставили у старика.

Жилъ одинъ бѣдный человѣкъ. Онъ все молился Николаю Угоднику, чтобы онъ далъ ему богатства. Николай Угодникъ тоже не можетъ дать богатства, онъ обращается къ Господу, чтобы дать бѣдному мужику денегъ. Господь сказалъ: „если ты дашь ему богатства, онъ трижды тебя побьетъ“.—Пусть побьетъ, всетаки дадимъ. „Хорошо“, сказалъ Господь. Мужику повезло, онъ сталъ богатъ. Разъ Николай Угодникъ и Господь куда-то шли. Дошли они до дому богатаго мужика и стали стучаться въ двери. Богатый сказалъ: „если будете мнѣ молотить, пуцу васъ ночевать—Будемъ“, отвѣтили странники и были пущены въ избу. Ихъ помѣстили какъ-то на голубцѣ. Рано утромъ мужикъ сталъ будить ихъ и посылать на молотъбу. Странники что то замѣшкались. Богатый пришелъ ярый и поколотилъ Николая Угодника, который лежалъ съ краю на голубцѣ. Странники все еще не встали, и говорили: „мы сейчасъ обуемся и придемъ“. Немного погодя мужикъ, видя, что никого нѣтъ на гумнѣ, опять прибѣжалъ къ странникамъ и снова побилъ Николая Угодника, спавшаго съ краю на голубцѣ. Послѣ этого Господь сказалъ: „ложись, Никола, на мое мѣсто, иди внутрь, а то тебя опять побьютъ“. Господь легъ теперь съ краю. Мужикъ ждетъ не дождется, молотить нужно. Въ гнѣвѣ прибѣжалъ онъ и сказалъ: „теперь я побью другого, дежавшаго въ двери, и опять поколотилъ

Николая Угодника. Господь это зная, потому и сдѣлалъ такъ, онъ знаетъ наши мысли. „Вотъ тебѣ, говорилъ я“, сказалъ Господь. Послѣ этого они вышли на гумно. Господь зажегъ солому спичкой съ конца и вся солома сгорѣла, а зерна, какъ вылиты, остались въ цѣлости на гумнѣ. „Какъ они славно молотятъ“, сказалъ мужикъ, „мнѣ бы такихъ работниковъ побольше“. Странники ушли. На другой день богатый мужикъ самъ зажегъ солому на гумнѣ, чтобы такимъ легкимъ способомъ извлечь зерна изъ колосьева. Огонь усилился. Вся солома разгорѣлась, отъ соломы огонь перескочилъ на скирды, отъ нихъ къ овину, отъ овина на домъ мужичка. Все, что было—сгорѣло и мужикъ сталъ бѣднымъ, какъ прежде.

Другой жилъ мужикъ, тоже бѣдный и молился Ивану Богослову, прося у него зажиточности. Иванъ Богословъ далъ ему ящикъ съ золотомъ и сказалъ: „отдавай, кто просить у тебя взаймы, даютъ обратно—бери, нѣтъ—такъ оставляй,—у тебя деньги всегда будутъ“. Мужикъ исполнилъ все то, что сказалъ Иванъ Богословъ и былъ богатъ онъ весьма. Онъ умеръ въ старости, потому что и богатые умираютъ, и попалъ въ темное мѣсто, гдѣ холодно и темно—тамъ масса народу живетъ въ нуждѣ и въ бѣдствіяхъ. Мужикъ пошелъ по дорогѣ отъ этого мѣста, по дорогѣ, идущей въ рай. Опъ идетъ и спрашиваетъ всѣхъ встрѣчныхъ: „куда эта дорога?“ Ему отвѣчаютъ—въ рай. Шелъ, шелъ и дошелъ онъ до рая. У дверей его остановили: „ты не можешь войти въ рай, лицо твое черно и грязно, потому что ты въ церковь не ходилъ“.—„Мнѣ объ этомъ не было сказано“, отвѣчаетъ мужикъ, „я все сдѣлалъ и такъ, что и какъ мнѣ велѣлъ Иванъ Богословъ“. Вызвали Ивана Богослова, который подтвердилъ слова мужика. Мужикъ послѣ этого былъ пущенъ въ рай. Бываетъ же, что и Угодники не правильно скажутъ.

Т ю в ъ.

Я жилъ съ женою въ работникахъ у Тювѣ. Графъ пріѣхалъ изъ Питера, въ крытой лодкѣ. Безъ спросу огонь развели на берегу. Время было очень жаркое. Дядя (тювѣ) спустился къ рѣкѣ, на берегу дымъ идетъ. „Кто такой развелъ огонь?“ Спустился Тювѣ и спросилъ громкимъ голосомъ—„кто дозволилъ развести огонь?“ Графъ вышелъ изъ лодки. „Залейте огонь водой“. Поднялся онъ къ старику. „Извините, старичекъ, мой работникъ развелъ огонь. У васъ какіе встрѣчаются здѣсь руды?—Да, встрѣчаются, я самъ собралъ“. Тювѣ далъ графу, тотъ увезъ съ собой.

Поднимались (вверхъ по рѣкѣ) искатели руды—руды искать. Рсются буравомъ, руду ищутъ. Нашли какъ ребенка изъ камня, изъ мѣди, изъ руды. Потомъ положили на бѣлое полотно, на ноги поставили. „Намъ“, говорятъ, „добро будетъ“. Потомъ утромъ рано встаютъ, того и нѣтъ. Потомъ и сами стали думать—это видно гор-

ный хозяинъ. Буравомъ долго еще искали, да ужъ и не увидали. Это былъ хозяинъ рудъ. Словно человѣкъ, съ руками и ногами. Мнѣ это отецъ рассказывалъ, 70 лѣтъ тому назадъ.

Радуга—ошка-мошка пьетъ воду изъ рѣки; „каленикъ—огненная птица, которая собираетъ земныхъ птицъ въ стаи, чтобы онѣ улетѣли на югъ, на зимовку“.

Кумъ-шкотъ.

Купецъ сталъ кумомъ сатаны и далъ ему рукопись. Весьма они были дружны и гостили часто другъ у друга. Сатана показывалъ ему всѣ свои владѣнія въ аду, кумъ-шкотъ только его не показывалъ. Жили были годъ и другой, намъ неизвѣстно сколько. Сатана разъ сдѣлалъ переключку своему народу и спрашиваетъ каждаго: ты что добраго сдѣлалъ? Говорить одинъ: при свадьбѣ всѣ передрались—я это устроилъ. Сатана улыбнулся. У него есть законная книга; онъ говоритъ: „на свадьбѣ въ теченіе 8 дней нѣтъ грѣха, чтобы они не сдѣлали“. Другой говоритъ—„я 30 лѣтъ не могъ соблазнить одного человѣка, который живетъ въ кельѣ. „А ты отчего пробылъ тамъ столько времени и не пошелъ къ другому. Идите бросьте его въ Кумъ-шкотъ“. И его начали тащить, а онъ молиться: батюшка ты не веди меня въ Кумъ-Шкотъ. Сатанѣ стало жаль: „ну, не надо его вести“. Его поставили между двумя рядами чертей и били его свинцовымъ прутикомъ и говорили: „такъ долго бесполезно не трудись“. Потомъ сатана опять книгу открылъ и спрашиваетъ слѣдующихъ. Является бѣсъ и говоритъ: я хорошее сдѣлалъ.—Рассказывай. „Я соблазнилъ царскую дочь и довелъ ее до того, что она стала ѣсть по три человѣка въ сутки и стала неисправима“. Сатана далъ ему большой чинъ за такое дѣло.—„Положимъ, говоритъ сатана: исправить ее можно—въ такой то церкви есть такая то псалтирь и свѣча тамъ есть; если бы трои сутки читать эту псалтирь съ этой свѣчкой, то исправилась бы—какъ говоритъ законъ“. Купецъ все это видѣлъ и слышалъ, и раздумался. Его поразилъ кумъ-шкотъ, что такъ отъ него всѣ отказывались. „Дай говоритъ, спрошу у своего кума, что это такое. „Что же это, кумъ, ты не показалъ мнѣ этого кумъ-шкота, можно показать его, или нѣтъ?—Какъ же нельзя, конечно, можно. Они отправились и вошли въ кумъ-шкотъ, отперли замокъ. Очень свѣтлая горница открылась имъ, оклееная шпалерами съ большими окнами, а постель постлана красивая высокая перина. Купецъ говоритъ: „можно мнѣ здѣсь отдохнуть“?—Можно.—Купецъ легъ (а сатана ушелъ въ другую комнату) и сталъ опять думать, тѣмъ болѣе, что сатана, уходя въ другую комнату, сказалъ: „умрешь, такъ и будешь жить въ этомъ веселомъ мѣстѣ“. „Это что-то не ладно, думаетъ купецъ, а у него была съ собой игла, ею онъ проткнулъ постель и смотритъ что-то блеснуло тутъ, онъ отверстіе увеличилъ, а тамъ народъ кричитъ въ смолистомъ огнѣ, вертятся, „ой горе, горе“, кричатъ. Купецъ испугался;—вотъ внизу то и есть

мое мѣсто, думаетъ. Онъ вошелъ къ своему пріятелю. Ну, что какво, тотъ спросилъ.—А очень хорошо, въ такомъ веселомъ мѣстѣ отрадно быть и сталъ просить рукопись, обѣщая принести новую вмѣсто этой старой. Сатана возвратилъ, но какъ только купецъ ушелъ, сатана догадался. А купецъ возвратился и подъ окнами крикнулъ: „всѣ бѣгите изъ дому“, а самъ шелъ, шелъ и дошелъ до кельи, въ которой жилъ монахъ; онъ попросился ночевать у него. Солнце стало заходить, они заперли всѣ двери съ молитвами, съ заходомъ солнца зажгли свѣчи и стали молиться Богу. Тогда кругомъ кельи набѣжала толпа бѣсовъ и чертенятъ, такъ что келья дрожала вся и они кричали всю ночь: дай намъ человѣка, но лишь только запѣлъ пѣтухъ,—ихъ власть исчезла. Потомъ монахъ и говоритъ: больше я тебя держать не могу—иди къ другому. Онъ ушелъ къ другому монаху. Наступилъ опять вечеръ, по его просьбѣ тотъ впустилъ его ночевать, какъ солнце стало спускаться, заперли всѣ двери съ молитвами, а съ заходомъ солнца открыли книгу и стали читать. Потомъ туда бѣсы собирались да собирались, вдвое больше, чѣмъ вчера, но на сажень уже не могли подойти они къ кельѣ. Они опять кричатъ: дай намъ человѣка, а тѣ молятся. Такъ продолжалось всю ночь до пѣтуховъ. Потомъ монахъ говоритъ: не могу дольше тебя держать. Купецъ отправился впередъ и опять пришелъ къ такому же монаху, попросился ночевать, тотъ впустилъ его. При заходѣ солнца они съ молитвами заперли двери, зажгли свѣчу, стали читать книгу и молиться. Опять нахлынуло бѣсовъ, быть можетъ впятеро больше и все говорятъ: „дай намъ нашего человѣка!“ Но они на 10 саж. не могли приблизиться къ кельѣ. Пѣтухъ запѣлъ и они ничего не могли взять. Монахъ сталъ рассказывать: „наша царевна по три человѣка съѣдаетъ въ сутки“, купецъ же говоритъ ему: „въ такомъ то мѣстѣ есть псалтирь и если бы 3-ое сутокъ читать ее со свѣчей, она исправилась бы“. Потомъ монахъ и купецъ пошли къ царю, ему доложили и царь ихъ принялъ. Такъ и такъ, дескать царевна ѣстъ людей. Купецъ сталъ рассказывать, что есть книга, которую, если читать со свѣчей непрерывно, она де исправится. Свѣчу заказали, книгу нашли. Монахъ вошелъ при солнцѣ къ царевнѣ. Онъ исполнилъ все то, что говорилъ купецъ, и царевна выздоровѣла.

К. Жаковъ.